

**Егор
ДЕМИДОВ***г. Оренбург*

Чай с апельсинами

рассказ

Моя жена почти всегда пьёт чай с фруктами, но чаще всего с апельсинами. Поначалу я удивлялся этому, возмущался. Ведь как так можно? Это же неправильно! Это всё равно что есть арбузы с чёрным хлебом (многие едят, кстати) и заедать сыром. Любимая же, в свою очередь, предлагала мне попробовать и тоже удивлялась не меньше меня, что я никогда не пил чай подобным образом.

Прошло время, и я понял, что ничего страшно-го в чае с апельсинами нет. Это скорее интересно и необычно, нежели странно и неправильно.

* * *

Многие из тех девушек, которых я когда-то знал, с которыми встречался или же имел какие-либо отношения, вытворяли странные дела. Чем старше становлюсь, тем чаще я прихожу к выводу — все те влюблённости, увлечённости и заинтересованности абсолютно неинтересными людьми были глупы и бессмысленны. Почему до меня тогда это не дошло?

Во втором классе я впервые влюбился. Вернее, я знал, что непременно нужно быть в кого-то влюблённым, иначе существовать совершенно невозможно. Девочка, в сторону которой были направлены мои светлые детские чувства, не знала и даже не подозревала

об этом. И правильно. Незачем ей было знать!

В восьмом классе я снова влюбился — теперь уже по-настоящему, почти по-взрослому. У неё было мягкое короткое имя, легко слетавшее с языка и зависающее в воздухе, как синеватое колечко табачного дыма. Её волосы аккуратным золотым пятном лежали на ладной голове и собирались на затылке коротким, ровно остриженным хвостиком. Чуть розоватое лицо покрывали мелкие веснушки — их почти не было видно. Мы много целовались и говорили вслух бесполезные милости, от которых сегодня не осталось и следа, и жалеть об этом нет никакого смысла.

Четырнадцать лет — самый дурацкий возраст для отношений. Ты уже вроде бы и готов делать всё всерьёз, но всё-таки покамест остаёшься ребёнком, как ни крути. Лучше в этом возрасте, наверное, сидеть дома и книжки читать, не отвлекаться на чепуху. А может, и не лучше...

Это была первая любовь — чистая, простая, немного неловкая, неумелая, неказистая и с трагическим (логическим) финалом. (А как иначе?)

Мы расстались по воле третьего странноватого лица, от которого спустя пару лет она родила ребенка. К слову, лицо это старше её на семь или восемь лет и со своей семьёй это лицо уже давно не проживает. Житуха. Вот так!

Но у нас-то были здоровые подростковые отношения. Чувства, эмоции, звёзды в ночи — всё как надо. Хорошо, что было.

В другой раз я влюбился через два года — в шестнадцать. Так же, как и предыдущая увлечённость, эта произошла в мае. По-моему, даже всё началось в тот же день.

Мой друг притащил меня в театральные кружок, там мы разминали языки, говорили скороговорки.

Её имя тоже было мягким и коротким, и оно тонуло в общем гуле окружающей действительности, когда я его произносил. Чистой случайностью оказалось то, что мы живём почти рядом и поэтому из театралки нам очень удобно ходить домой вместе. Мы и ходили. Много болтали, смеялись, придумывали какие-то нелепицы, валялись дурака, рассуждали на серьёзные темы, а однажды она даже решала мне алгебру.

Потом я сказал ей: «Ты будешь со мной встречаться?» Точно помню, что в тот момент эта бесцветная фраза прозвучала абсолютно уместно. «Конечно! Да!» — ответила она.

Три недели длились наши посиделки на лавочке и прогулки под июньским небом. Потом я уехал в деревню к бабушке.

...А денег на телефоне не было, а уехал на неделю, а вернулся через три, а позвонить с чужого почему-то побоялся, а.., а.., а.. Всё.

В первый же вечер по возвращении домой случайно встретил её с кавалером. Он был старше меня, красивее, крупнее. Я прошёл мимо. Неинтересно вдруг всё это стало. После мы не общались довольно долго, а когда начали вновь, то говорили «привет» и «как дела». И больше ничего.

Ну да, было. Хорошо, что было. Вроде неплохо всё.

В очередной раз я влюбился в ангела. Таким, как я, нельзя любить таких, как она. Я вообще не знаю, кому таких, как она, можно любить. Наверное, никому. Или только ангелам.

Мне было двадцать, а ей всего лишь пятнадцать. Эти странные отношения с большой разницей в возрасте и обречённостью на провал получились как-то сами собой. Здесь совершенно нет смысла вспоминать, как мы познакомились.

Имя её ещё короче и мягче предыдущих, как пером по губам махнули, — так пролетало мимо.

Где-то внутри себя, в своих глупых и наивных душах, мы знали, что ничего из этой влюблённости не выйдет, но не останавливались. То ли я чувствовал себя на несколько лет

младше, то ли она ощущала себя взрослой — теперь уже и не понять.

На основании непоколебимого несогласия её матери с нашей разницей в возрасте, а также по обоюдному решению, что так всем будет лучше, мы разошлись.

И всё идет ровно. Хорошо, что так было. Все счастливы.

* * *

Недавно приболел. Не спал ночами, книжки читал. Днём дремал. В одну ночь жена проснулась и спрашивает:

— Ты ещё не ложишься?

— Нет, — говорю, — не ложишься.

— А времени сколько?!

— Три часа, — немного привираю, на самом деле три двадцать на часах.

— А я что-то выспалась... — объявляет она мне.

— Ну, собирайся тогда на работу, — смеюсь я. Прислушался, а она уже снова сопит. Ну, думаю, выспалась. Смешная. С утра ведь опять не вспомнит, чего говорила.

Тихим утром встаю, умываюсь, накидываю на тёплое ото сна тело одежду и выхожу вон. Выбегаю из подъезда, прикуриваю сигарету и понимаю — сегодня выходной и мне никуда не нужно идти, плюс ко всему я же на больничном.

Утомился. Скоро по щелчку пальцев буду засыпать, а просыпаться, только если три раза дернуть за указательный палец и один раз нажать на нос.

Посмеялся над собой. Присел на лавку.

Все мои влюблённости улетели, прогорели, растаяли. Каждая из них, как снежный ком в тёплую погоду — катилась-катилась, росла, а потом пришла весна — и нет ничего. Маленькое мокрое место от кома осталось — воспоминания.

Зачем всё это было?

Может быть, если бы всего этого не произошло, я был бы кем-то другим?

Может быть, я стал бы профессиональным спортсменом или поваром в дешёвом ресторане, или открыл бы маленький канцелярский магазин? Что если? Что?

Обязательно ли должно было это произойти и кончиться ничем? Прогореть и исчезнуть,

заявляя немного места в памяти. Хорошо, наверное, что всё это было, но ещё лучше, что случилось по-другому.

Были и другие девушки — глупые, капризные, совершенно бесполезные и бестолковые, и от них вообще ничего не осталось, даже имён.

* * *

Имя её не короткое и не мягкое. Оно очень даже твёрдое, огромное, бесконечное. Оно гремит, ревет, заслоняет всё собой, и я держу его в руках, потому что только у меня есть сила не уронить его.

Познакомились мы тоже случайно, но почему-то я сразу понял — теперь всё по-настоящему, без глупостей, просто и искренне. Никаких напыщенных фраз типа: «люблю тебя больше жизни, твой сладкий помидор», никакого зоопарка: «зая, рыба, кисуля, косуля, коровка, свиношшка».

Нормальные. Человеческие. Отношения. Двух людей. Действительно понимающих, что любовь — это труд и работа.

Мы сидим на кухне вечером. Любимая чистит апельсин, я жду, пока закипит чайник. На минуту вспоминаю, о чём думал с утра. Посмотрел на апельсин — улыбнулся.

Пусть я лучше смирюсь с забавными странностями моей жены, посмеюсь над ними и поддержу её в них, чем заново переживу какую-то бестолковую линию жизни, в конце которой бескрайняя тупиковая стена из огромных кирпичей и через эту стену не проходят ни звук, ни свет, ни моя жизнь.

...А глаза наши всегда встречаются. Я только посмотрю на неё, взгляд подниму, и она сразу отзывается: вот я, я тебя вижу, я тебя слышу, чувствую тебя, я с тобой. Вроде как само выходит это, не нарочно.

Только наше это счастье. Маленькое, как тот комочек снега, но мокрое место от него не останется — мы не позволим ему растаять. Мы слепили его и держим в варежках, жмём немного, чтоб покрепче был. Даже и показывать его не нужно никому. Зачем? Мы знаем о нём — и хорошо, и достаточно.

Плохой велосипед!

Дядя Миша выругал Андрейку. Шкодил больно много, безобидно, конечно, но хлопот доставлял. То куриц из загона выпустит — по всей деревне собирай их, то велосипед в пруд закатит, то крыжовника зелёного «обкушается», то ещё чего. Что же ещё шалопая в деревне летом на каникулах делать? Шкодить и озорничать. Иначе нельзя.

Вот и в этот раз Андрейка похулиганил — кота гонял по двору. То в сарай его загонит, то в кусты, то в огород. В огороде — грядки. Котик-то легонький, по грядкам прыг-прыг — и в траву. А Андрейка мальчик уже крупный в свои семь годков, по котовым следам потоптал все бабушкины посева.

Дядя Миша и наругал его.

Андрейка за это час в углу простоял и вдобавок получил своё самое нелюбимое наказание — папа с ним не разговаривал. Страшнее этого не было ничего. Уж как он не любил этого!

Мальчиком Андрейка был ласковым. Подождёт, обнимет и скажет:

— Пойдём, папа, на речку?

Отец не шелохнется. Читает газету или смотрит куда-то в сторону. Как же в эти минуты детское сердце болит! И реветь Андрейка готов, и кричать, лишь бы отец ему ответил. Но тот молчит. Минут пять пройдёт, папа сходит покурить, вернётся в дом, подхватит своего хулигана и весело скажет:

— Пойдём, сынулька, на речку!

Сияет ребёнок. Ничего ему в этот момент не надо. Вот оно, счастье — отцовское внимание. Мама в сторонке сидит, наблюдает за всем. Если отец воспитывает парня, значит, так надо — она не вмешивается. Нашкодил — отвечай по полной. Прощение будет, но не сразу.

Сидел Андрейка во дворе, ждал прощения. Песок привезли недавно, чтобы дом приподнять, и свалили во дворе. Хорошая песочница получилась. Андрейка там гаражей настроил для своих многочисленных машинок, траншей накопал, палочек натыкал, целый город получился — играй не хочю. Пока играет, не то

что отец всё простит, а ещё и потеряет, позовёт к обеду ласковым голосом.

Так и сидел шалопай. Игрался.

— Вж-ж! — съезжала машинка с горки. — Бр-рум! — спускалась. — Пух! — врезалась и толкала другую.

Хлопнула зелёная потрескавшаяся дверь — папа вышел курить. Как обычно, смотрел куда-то вдаль. Нахмуренный, серьёзный. Отец почти всегда такой — сосредоточенный, собранный. Но если только чуть заиграется с Андрейкой, сразу меняется. Даже непонятно становится, кто из них больше ребёнок — малой в свои семь или папа в свои тридцать. Уж настолько они увлечены бывают, что того и гляди папа сядет машинки в песке катать, а Андрейка, ничуть не удивившись, рядом разместится.

Но сейчас отец был хмур. Андрейка это прекрасно чувствовал, спиной. Жужжать при отце шалопай не стал, а только лишь тяжело и иронично, по-детски вздыхал, ожидая реакции папы.

Но никакой реакции не было. Тот докурил свою «балканку», ловко метнул окурочек куда-то далеко в траву и уже было потянулся к двери...

С дороги послышалось скрипучее заунывное пение и задилдонил велосипедный звонок — это дядя Коля поехал в магазин за добавкой и распевал себе в седую бороду: «Из-за о-остр-рова на стр-реже-ень!» Он сильно тянул гласные и рычал, будто бы из автомата

строчил короткими очередями, букву «р». Поравнявшись с заулком, где сидел Андрейка, дядя Коля резко остановился и с криком «ну ёп!» полетел с велосипеда через руль. Свалился певец прямо в лужу. Плюх, и все. Папа засмыл, Андрейка тоже притаился. Встал дядя Коля, отряхнулся, топнул ногой и пальцем грозит двухколёсному:

— Плохой велосипед! Плохой!

Поднял его из лужи и дальше поехал, поет опять, как будто и не было ничего.

Папа засмеялся, да так заразительно, что и Андрейка колокольчиком захохотал. А пока смеялись, поймали взгляд друг друга — и забылись сразу все обиды. Человек всегда ведь, когда смеётся, ищет во взгляде другого что-то родное, что только им, смеющимся, понятно. Ну, а отцу с сыном только и остаётся ещё роднее быть в такой миг.

— Собирайся, Андрейка, пойдём на речку, — смеясь, сказал отец.

— Ура-а! — закричал счастливый ребёнок и побежал в дом.

□

Егор ДЕМИДОВ

(Демидов Алексей Андреевич — наст. имя).

Родился в 1991 году в Череповце.

Образование высшее.

Пишет стихи, прозу, публицистику.

Публиковался в различных сборниках.

Занимается музыкой — участник нескольких музыкальных проектов.

Кандидат в члены Интернационального союза писателей.

Живет в Оренбурге.

Лауреат конкурса «Северная звезда-2016»

в номинации «Проза».

В журнале «Север» публикуется впервые.

